

К вопросу о тематической сети языка и культуры. Древние перформативы, космос и римское право¹

С. Г. Проскурин
НОВОСИБИРСК

В исследовании языковых и культурных феноменов мы опираемся на гипотезу Ю.С. Степанова о том, что, с одной стороны, в терминах культуры обнаруживаются ценности, разделяемые самими членами общества, и, как следствие, имеющие особые термины для своего именованья, а с другой стороны, существуют категории, облеченные в словесную форму, но принадлежащие метаязыку исследователя.

В такой постановке вопроса содержится положение, предполагающее внутренний порядок лексикона и его внутреннюю сеть. Нами предлагается сетевая модель описания языка и культуры. Сетевая модель не поликефальна, а центрирована относительно говорящего субъекта. В центре культуры, находятся ценности субъекта культуры, им переживаемые. В середине культуры фиксируются перформативные ядра или блоки (термин для этого явления предстоит найти, см.: [Вульф, 2007]).

Тематическая сеть языка и культуры формируется вокруг Эго. Языки и культура предстают в виде сетевого образования, содержащего перформативные ядра, которые воспринимаются как данности мировой истории, которые нельзя отрицать. Речевой акт, согласно ономатетической концепции, лежит в основе мира. Этот речевой акт успешен, он находится вне логики. Его нельзя оценивать по типу истинного или ложного. Вообще, речевые перформативы (сказал или изрек) – нетипичные представители перформативов на современном этапе. Ср. пример из Авесты: «Он изрек слово ...»

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Федерального агентства по науке и инновациям в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (государственный контракт № 02.740.11.0370).

1. Спросил Ахура-Мазду
Сипитама-Заратуштра:
«Скажи мне Дух Святейший,
Создатель жизни плотской,
Что из Святого Слова
И самое могучее,
И самое победное,
И наиблагодатное,
Что действенной всего?».

2. «И что победоноснее,
И что всего целебнее,
Что сокрушает больше
Вражду людей и дэвов?
Что в этом плотском мире
Есть мысль проникновенная,
Что в этом мире плотском –
Отдохновенный дух?».

3. Ахура-Мазда молвил:
«Мое то будет имя,
Спитама-Заратуштра,
Святых Бессмертных имя, –
Из слов святой молитвы
Оно всего мощнее,
Оно всего победнее
И наиблагодатнее,
И действенной всего».
(ГИМН АХУРА-МАЗДЕ (*Yam1*, «Ормазд-яшт»)).

Другим представительным древним перформативом является описание речевого акта библейского творения:

«Вначале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста, и тьма над бездною, и Дух Божий носился над водою. И сказал Бог: да будет свет. И стал свет. И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы. И назвал Бог свет днем, а тьму ночью. И был вечер, и было утро: день один» (*Бытие*).

В сердцевине иудео-христианского или зороастрийского комплексов веры лежит успешный перформатив, связанный с изреченным или промолвленным. Крупные контенты опираются на эти срединные утверждения, не требующие дополнительных доказательств своей истинности. В сердцевине культуры лежат тексты, созданные, чтобы документировать ее происхождение (см.: [Данези, 2010, с. 128]).

Любой язык имеет внутренний порядок лексикона. Любая культура организована в виде сети уложений. В этом смысле мы наблюдаем различные уровни существования языка и культуры, их различные порядки. С одной стороны, в терминологии и культурных концептах обнаруживаются ценности,

разделяемые самими членами общества, и как следствие, имеющие особые термины для своего именованья, а с другой – существуют категории, также облеченные в словесную форму, но принадлежащие метаязыку исследователя.

Магистральным выводом из вышеприведенного тезиса является утверждение о том, что комплекс веры покоится на отношении к речевым актам, которые не могут быть подвергнуты логическому опровержению. Они либо состоялись или их просто не было.

В филологических исследованиях говорится о «номинализме» как ведущем принципе мифопоэтической традиции. Актуален тезис – существует лишь то, что названо. Далее мы встречаемся с необычной для нас ситуативной моделью древних культур – ценности аккумулируются и передаются в форме ритуализованных действий и не могут быть поняты иначе другими поколениями, чем через их повторение. Иными словами, имеет значение лишь то, что можно повторить или воспроизвести. Например, слово.

Примечательно, что нередко объект рассматривался, как воплощенное слово. Ср. др.-инд. «Праджапати» (первотворец) «сказал bhuh: это слово стало землей» (*Шатапатха – брахмана П. 1.6.3*).

Здесь также актуален тезис Дж. Остина о перформативах. «Один из многочисленных использований языка я и хотел бы сделать теперь предметом для разговора. Я сосредоточу внимание на типе высказываний, которые выглядят как утверждения и которые грамматически, полагаю, классифицируются как утверждения, – но не являются бессмысленными, не могут быть ни истинными, ни ложными. При этом речь вовсе не идет о высказываниях, содержащие особые глаголы типа «мочь» или особые прилагательные типа «хороший», каковые многими философами рассматриваются теперь лишь как сигналы опасности при разборе. То, о чем я бы хотел поговорить, суть высказывания в самом прямом и строгом смысле слова, содержащие обычные глаголы настоящего времени изъявительного наклонения в первом лице единственного числа. И тем не менее с первого взгляда становится ясно, что они никак не могут быть истинными или ложными. Более того, если некто произносит подобного рода высказывание, мы говорим, что тем самым он не просто говорит, но делает нечто. Это может звучать несколько странно, но приготовленные мною примеры вовсе не покажутся странными, – напротив, трудно представить себе что-то тривиальное. Я приведу три-четыре. Представим себе, например, что во время свадебной церемонии я говорю “да”, – подтверждая тем самым, что “я беру эту женщину в законные жены”. Предположим, наступив вам на ногу, я говорю “прошу прощения”. Или например, держа в руке бутылку шампанского, я произношу “Называю это судно «Королева Елизавета»...” [Остин, 2006, с. 264].

Определение перформативов позволяет установить базу исчисления более крупных контентов. В юриспруденции основной вербальный контракт был основан на стипуляции. «Стипуляцией назывался устный договор, заключаемый посредством вопроса будущего кредитора (centum dare spondes? обещаешь дать сто?) и совпадающего с вопросом ответа (spondeo, обещаю) со стороны лица, соглашающегося быть должником по обязательству» (см.: [Новицкий, 2005, с. 196]). Примечательно, что обязательство, возникшее из стипуляции, было обязательством строгого права и потому подлежало строго букваль-

ному толкованию. Как отмечает И.Б. Новицкий, так, еще Гай считал стипуляцию недействительной, если на вопрос кредитора: «обещаешь ли 10?», должник отвечал: «обещаю 5». Правовые отношения возникли как продолжение перформативных высказываний, за которыми закреплялись права и обязательства. Таким образом, исполненная ненадлежащим образом стипуляция признавалась неуспешной. Постепенно, для обеспечения доказательства совершения стипуляции вошло в обычай составлять письменный акт, удостоверяющий это обстоятельство (он назывался *cautio*).

Юристы, говоря о правовой документации, проводят различие между преамбулой, воспроизводящей обстоятельства, в которых была совершена сделка, и, с другой стороны, действующей частью документа – той частью, которая сама по себе является осуществлением узаконенного действия, являющегося конечной целью документа в целом. Поэтому слово «действующий» (*operative*) является чрезвычайно близким тому, что Дж. Остин понимал под перформативом.

Иными словами, в центре культуры находятся контент – формулы, которые являются источником текстов. Так, с течением времени стипуляционные тексты (*cautiones*) получили такое широкое применение, что значение стипуляционной формы (вопрос и ответ) отошло на второй план, и если только обе стороны присутствовали в одном месте, то при наличии *cautio* предполагалось, что составлению документа предшествовало совершение словесной формы стипуляции (см.: [Новицкий, 2005, с. 199]). Перформативное ядро культуры сопровождается инсценировкой – искусством перформанса. Перформативное высказывание разворачивается в более крупный контент, который становится символом перформативного акта. Так стипуляционная формула *sponsio* восходит к ритуальным индоевропейским установлениям – жертвоприношениям жидкостью или возлияниям.

«Жертвоприношение жидкостью, выражаемое в греческом глаголе *spendo*, *spendomai* и существительным *sponde*, специально определяется как “жертва во имя безопасности” Всякому предприятию, связанному с риском, – путешествию, военному походу, – но также и договорам, в том числе мирным, предшествует обычно *sponde*.

Понятие обеспеченной безопасности и гарантий лежит в основе изначально юридического значения латинского *spondeo*. Здесь жертвоприношение жидкостью уже исчезло, но его функция сохраняется: *filiam spondere* значит «отдавать дочь в качестве супруги» (*sponsa*) выступая гарантом брака» [Бенвенист, 1995, с. 360]. Отсюда появляется контент-формула *respondere*, которая означает «отвечать, что..» – «отвечая за...».

Итак, тематическая сеть языка и культуры включает в себя ритуал возлияния, имеющий форму культурного исполнения. Помимо этого форма культурного исполнения подразумевает перформативное высказывание (*sponsio*), представленное в виде жанрового текста – текста клятвы. Все вышеозначенное сопровождается искусством перформанса, т.е. сценарного действия.

Так, обязательство из стипуляции имело ритуальный характер. В стипуляционную форму можно было облечь любое обязательственное отношение: и заемное обязательство, и обязательство уплатить цену за купленную вещь и т.д. «Стипуляцией нередко пользовались в целях новации, т.е. стипуляцию

заклучали для того, чтобы прекратить уже существующее обязательство, поставив на его место новое, возникающее из стипуляции. Доказав факт стипуляции, кредитор тем самым получал возможность взыскания по обязательству» [Новицкий, 2005, с. 198].

Центральное положение ритуальных практик типа стипуляций делало их удобной оболочкой позволяющей вложить в нее любое содержание и быстро проводить его в жизнь, делая стипуляцию самой употребительной в практике римского права формой договора. Ритуализация формы вопросов и ответов, т.е. каков вопрос – таков и ответ, формировала обязательный характер стипуляционного обещания. Вокруг стипуляционного обещания группируются многие слова, и уместно привлечь к рассмотрению те, которые относятся сюда просто в силу соответствующего установления.

«Присяге или заключению договора сопутствует обряд, что выражено греческим *sperdo* “совершать возлияние”, хеттским *sipant, ispanit*, т.е. *sperdo* с тем же значением, и лат. *spondeo*. Ритуальный характер происхождения лат. *spondeo* отразился на диалогической ритуальной формуле выражения согласия. Если говорить языком математики, то необходимо сказать, что выражение согласия это уравнение с конгруэнтными левыми (вопросными) и правыми (ответными) формулами. Нам известны формулы сватовства и согласия на брак. Их воспроизводит Плавт (*Trinummus* 1156, 1162): *sponden (=spondesne) ... tuam gnatum uxorem mihi* “клянешься ли отдать мне свою дочь в жены?” – спрашивает жених у отца молодой девушки, а отец отвечает: “да, клянусь”. И снова: *filiam tuam sponden mihi uxorem dari?* – *spondeo*. И наоборот, отец может спросить молодого человека: “берешь ли девушку замуж?”, но ответ тот же: *spondeo*. *Sponsio* воспроизводит эти значения вместе с развившимся в юридическом направлении». Э. Бенвенист отмечает: «Как это специфически римское значение соотносится с тем, что показывает греческий материал?» И сам дает ответ. «И там и там это всегда гарантия безопасности. Как в эллинистическом мире возлияние служило обеспечению безопасности жертвователя, так и в Риме речь идет о безопасности, но юридической, которую *sponsio* дает перед судом. Он находится здесь, чтобы поручиться судье, противной стороне, правосудию, что не будет отсутствовать ни обвиняемый или подсудимый, ни другие. В браке *sponsio* есть поручительство, которое дает отец жениху за свою дочь, в чем и состоит клятва» [Бенвенист, 1995, с. 363].

Наше же инновационное замечание по этой перформативной формуле связывается с диалогической формой верификации перформатива. Перформатив может быть верифицирован только через ритуальное повторение фразы. Так у Плавта Парасит Эргазил приносит Гегиону добрую весть: его сын, давно потерянный, должен вернуться. Гегион обещает Эргасилу кормить его ежедневно, если он сказал правду, а тот в свою очередь ручается:

898*sponden tu istud?* – *Spondeo*. «Ты это обещаешь? – Обещаю».

899 *At ego tibi adventisse filium respondeo*. «А я в ответ обещаю тебе, что сын вернулся».

Этот диалог строится на юридической формуле: *sponsio* одного и *responso* другого выступают формулой гарантии взаимного обязательства. В

этом диалоге подчеркивается ритуальная формула взаимности, которая строится на повторении и верификации сказанного.

«Из обмена гарантиями рождается уже установившееся в латыни значение *respondeo* “отвечать”. *Respondeo, responsum* говорят о толкователях богов, о жрецах, особенно о гарусниках, дающих в обмен на жертву – обещание, в обмен на подарок – безопасность; это ответ оракула, жреца» [Бенвенист, 1995, с. 364]. Цепь взаимных обязательств, возникающих в перформативных актах культуры, находит подтверждение в германской ритуальной формуле др.-англ. *andswara* «отвечать» при готском *swaran* «клясться». В основе жанрового текста вновь лежит контент-формула клятвы и ее повторения. Таким образом, формула взаимного обязательства носит перформативный характер, закрепляемый повторением *Я клянусь, обещаю* и в ответ *Я клянусь, обещаю*. Возникающее таким образом обязательство представляет по своему характеру ритуальный диалогический текст, который лежит в основе формульных юридических текстов. Так, еще один речевой акт воплощен в жанровом тексте двуязычного договора. Когда юридически стороны заключают договор они дважды повторяют текст, меняя акторов произнесенных обязательств. Уже у Геродота широко представлены *spendomai* и *sponde* в значении заключать соглашение: *spendesthai eipenen* «заключать мир». Однако это особый тип соглашения, берущий начало в апелляции к божественному провидению.

Что же касается развития контент-формул обязательств, то в императорский период на первый план выходят хирографы, представлявшие собой вид письменного обязательства перформативной природы (Я, такой-то, должен такому-то столько-то) и подписывались должником. Любопытно, что хирографы противопоставлялись в римской правовой культуре синграфам, которые излагались в третьем лице (такой-то должен такому-то столько то). В теории перформативов отмечается, что высказывание, начинающееся с «я обещаю, что...» сильно отличается от высказываний, начинающихся с «он обещает, что...» и, в прошедшем времени, «я обещал, что...». Кстати, синграфы составлялись в присутствии свидетелей, которые подписывали его вслед за тем, от чьего имени он составлялся. Эти высказывания также, несомненно, по виду являются нарративами, но из них выводятся перформативы. В пользу этого говорит и тот факт, что они требуют того или иного вида подписи, показывающей, кто именно осуществляет акт подписания, утверждения в правах на что-либо и т.д. Типичным для подобного рода перформативных актов, особенно если они оформлены в виде письменных документов, является то, что в них либо реально присутствует, либо может быть добавлено слово «сим, настоящим» (*hereby*) [Остин, 2006, с. 271].

Резюмируем сказанное: культура включает в себя перформативные ядра или ценности, которые способны порождать более крупные контенты. Таким образом, в римской правовой сети центральными перформативами являются индоевропейские глаголы возлияния, которые в ритуальных перформативных ядрах эволюционируют в сторону литтеральных (письменных) контрактов. Сам текст литтерального контракта полностью выводится из перформативных ритуальных практик взаимных обязательств в форме устных стипуляций. Далее развивая гипотезу об устройении тематической семантической сети языка и культуры, мы утверждаем, что содержание культуры в своей сердцевине осоз-

нается в терминах языка как «ценность», переживаемая носителями культуры. Помимо этого, языки и культуры как бы самопроговариваются, порождая смыслы, стоящие за системой, при помощи которых, сама система и описывается.

Библиография

- Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. М., 1995.
Вульф К. Антропология. История, культура, философия. СПб., 2007.
Новицкий И.Б. Римское право. М, 2005.
Остин Дж. Перформативные высказывания // Остин Дж. Три способа пролить чернила СПб., 2006. С. 262–281.
Проскурин С.Г. Тематическая сеть языка и культуры // Критика и семиотика. Новосибирск, 2010. Вып. 14.